

УДК 821.512.31

doi: 10.18101/1994-0866-2016-5-12-19

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ФИЛОСОФСКОЙ ЛИРИКЕ
Д. УЛЗЫТУЕВА**© *Булгутова Ирина Владимировна*

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Бурятский государственный университет
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
E-mail: irabulgutova@mail.ru

В статье выделены ключевые лирические темы в лирике Д. Улзытуева, становящиеся сквозными и реализующиеся в ряде мотивов. Выявляется роль мифологических мотивов на протяжении всего творческого пути поэта. В мотивной структуре его произведений выделяется мифологический мотив творения, который сопрягает воедино явления разных рядов: биографию поэта, природную жизнь, космос. Устанавливаются истоки, логика мифомышления в поиске генезиса всего сущего. Прослеживается авторское понимание цикличности жизненных процессов в смене архетипов дома и пути, показывается преодоление поэтом мифологической оппозиции «свой — чужой». Выявляются мифопоэтические основы мотивов творчества, возвращения, превращения. Автор статьи делает вывод о том, что в основе философской лирики Д. Улзытуева заложена логика сопряжения, характерная для мифологии. На этом материале выявляется специфика духовного опыта бурятского народа, которая определяется сохранностью архаических форм мифосознания.

Ключевые слова: миф, мифологические мотивы, лирическая тема, мифомышление, архетипы, мифосознание, философская лирика.

Творчество бурятского поэта Д. Улзытуева занимает особое место в истории бурятской литературы как одно из вершинных явлений литературного процесса Бурятии XX в. Исследователи уделяли большое внимание выявлению особенностей национальной картины мира в его творчестве, различным мировоззренческим аспектам на уровне анализа образного ряда, пространства, средств художественной выразительности. На наш взгляд, плодотворным является анализ творчества Д. Улзытуева через призму мифологем как вечных универсалий человеческой жизни и бытия. Такой подход позволяет увидеть творчество Д. Улзытуева в более широком контексте, чем контекст национальной литературы. Как отмечает Т. Н. Очирова, «мощный поэтический дар, выраженный в его стихах, дает нам право говорить о том, что поэзия Д. Улзытуева переросла национальные рамки» [1, с. 141].

Одним из ярко выраженных мифологических мотивов в поэзии Д. Улзытуева является мотив творения, реализующийся в ряде поэтических произведений, в которых, в частности, осознается рождение человека через призму автобиографии. Лирическое событие, по мнению И. В. Силантьева, это «качественное изменение состояния лирического субъекта, несущее экзистенциальный смысл для самого лирического субъекта и эстетический смысл для вовлеченного в лирический дискурс читателя» [2, с. 108].

В стихотворении Д. Улзытуева «Газар оёортой, шулуун зуухатай...» (Земляной пол. Каменный очаг) говорится о событии прихода человека в этот мир, предметно и достоверно показаны детали быта: земляной пол, очаг, выложенный из камней, единственное окошко, заделанное высушенным бычьим мочевым пузырем, зимовье. В общем контексте стихотворения они приобретают символическое значение: «Хотогор ургэн Бэлиэр нютагай / Хони малай маараан соохоно, / Хонгёо шангаар сошон уйлажа, / Хохир дээрэ уналайлби» [7, с. 69] (Среди привольных просторов Бичуры / Среди мычания стад и блянья отар, / Звонко заплакав от страха, / выпал я на кизяк). Все стихотворение имеет стилистически торжественное, высокое звучание из-за употребления словоформы «түрэлэйлби» («родился» в значении «явился»). А в строке «*хохир дээрэ уналайлби*» (выпал я на кизяк) образуется очень резкий контраст между приземленностью и обыденностью вещи — куска высушенного навоза и высоким строем поэтической речи. Здесь прослеживается черта, присущая всей улзытуевской поэзии, — совмещение двух противоположных эмоциональных полюсов, в данном случае — неизбывной горечи земного существования, скрывающейся в предметном ряду, и радости пребывания на Земле, что выражено в звуковой картине природной жизни.

О событии рождения уже в другом — комическом, иронически шути-вом — ключе рассказывается в стихотворении Д. Улзытуева «Шог намтар» (Шутливая биография). В нем пародируется эпический мотив рождения героя, во-первых, шутиливо обыгрывается время рожденья — все признаки зимнего времени года даны в перечислительном ряду, в конце которого дается веселая картина: «...хашабаа шаргын хахинаанда / хамар шэхэнэй улаанда / энэ дэлхэйдэ түрэлэйлби» (...когда звенели сани-кошева, / а уши-носы краснели, / явился я на этот свет) [6, с. 118]. Круг самых важных событий жизни: начало творческого пути, встреча с любимой, рождение ребенка — вписан в календарный круг природной жизни: «Иимэхэн гэхэн нахамни жэлэй / дүрбэн сагтай сасуулмаар гэшиэ гү даа? (Сравнима ли эта моя жизнь с четырьмя временами года?)» [6, с. 119]. Стихотворение названо автором «шутливой биографией» не только из-за пародирования эпического стиля, но и потому, что отражает «биографический миф» о том, что поэт родился зимой, тогда как, по свидетельству родных, поэт родился летом. Дата же рождения — 5 декабря, день советской Конституции — была выбрана им самим при оформлении документов. В творчестве поэта отразились, таким образом, официальная и подлинная версии автобиографии поэта. Как известно, «всякий мотив в лирике исключительно тематичен, любому лирическому мотиву можно поставить в соответствие лирическую тему. И наоборот, лирическая тема как таковая исключительно мотивна по своей природе, и мотивы как предикаты темы разворачивают ее через действие — применительно к лирическому субъекту... Благодаря своей исключительной мотивности лирическая тема *перспективна*...» [3, с. 23].

Связь мотива рожденья с мифологическим мотивом первотворенья отчетливо выявляется в стихотворении «Балай хоохон юртэмсын...» (В пу-

стоте Вселенной) о зарождении жизни на Земле и появлении самой планеты, в котором автор творит поэтический космогонический миф, смыкающийся с научной картиной мира: *«Балай хоохон юртэмсын / Галай тоохон хүлгөөн соо / Наранай нангин хэлтэрхэй, / Шунанай заахан сэсэрхэй, / Галзуу дүлөөр амилһаар, / Газар болон ерээ гээ. / Түмэн жэлдэ гажарһаар / Түби болон хүрөө гээ»* (В беспросветной пустоте Вселенной / В клубящихся облаках огня и пыли / От солнца откололся маленький осколок / И каплей красной крови отлетел. / И, неукротимым пламенем дыша, / На свет явилась новая планета. / Из унылой тьмы тысячелетий / Возникнув, стала твердью Земли) [5, с. 230–240]. Материнским истоком мыслится стихия воздуха, атмосфера, а отцовским началом – солнце, т. е. логика мифомышления переносится автором на космические объекты, олицетворением же жизни становится появление первого ростка, которое передается словом «*мүндэлхэ*» (рождаться), имеющим в словаре пометку «почтительное выражение» [13, с. 307]. Так сама языковая картина мира определяет отношение к творению и рождению как чуду.

Удивление перед чудом жизни и событием ее зарождения прослеживается во многих стихотворениях Д. Улзытуева о природном мире. Так же почитательно описывается в календарном кругу жизни умирание/возрождение цветка: *«Гансахан нажарай туршада / Газартаа мүндэлхэн улаалзай / Намарай түрүүшын ольбондо / Нарихан эшээрээ шэшэрнэ / Хадарган жүруугай шүдэндэ / Хагдаран унаһан улаалзай / Элдинхэн нажарай эхиндэ / Эрьежэ дахинаа мүндэлнэ»* (На протяжении недолгого лета / цветет саранка, родившаяся на земле. / И от первого дуновения осеннего ненастья / дрожит-трепещет тоненький стебелек. / Острыми клыками инея / срезанная саранка / В начале привольного лета / Снова рождается на земле) [8, с. 12]. Миф творения вписан в вечный круговорот жизни, временные пласты настоящего и будущего осмысливаются в генетической связи с предшествующим. Данная лирическая тема разворачивает ряд мотивов: мотив творения в лирике Улзытуева не ограничивается темой рожденья, он разворачивается и сопрягается с экзистенциальными для поэта мотивами творчества, созидания и открытия мира. Осмысление человеческой судьбы в общечеловеческом плане начинается у поэта с осмысления собственной судьбы. Первым кругом жизненных впечатлений становится идиллический хронотоп родного края как Дома, в котором приходит осознание себя как певца, образ же его связан с архетипическим образом пастушеской Музы.

Традиции кочевнического уклада жизни определяют в творчестве Улзытуева особенности самого взгляда, в частности способность к гармоническому слиянию с окружающим его растительным и животным миром. Так, стихотворение «Тээгэ» сразу включает в мир традиций и сознания бурятского народа. Оно имеет свой лирический сюжет, рассказано от лица ребенка, который, увязавшись за матерью на ферму, стал свидетелем того, как овца отказалась принимать своего новорожденного ягненка. В таких случаях скотоводы-буряты пели песню «тээгэ», чтобы пробудить в животном материнский инстинкт. Матери лирического героя не удается его пробудить, это

удаётся ребенку, запомнившему все слова песни: «*Хун сагаанай нюдэн байн байн ухатажа, / хаглагархан хурьганайнгаа нэрэ нурагуй годолзоһон / һүүлые үндэн, хүхүүлжэ эхилбэ*» (И тогда глаза белошерстной увлажнились, и она подпустила к себе свое дитя). «*Дуушан болохош даа, хүбүүмни, заатагуйл дуушан болохош*» [4, с. 3, 4] (Быть тебе певцом, непременно быть певцом), – сказала тогда его мать. Вся картина приобретает глубокий символический смысл при выявлении архетипической сущности образа матери, которая претворяет инстинкт в чувства высшего порядка: любовь и жертвенность. Не случайно на разных уровнях бурятской культуры сохраняется культ матери. Примечательна сама ситуация «мать и дитя», которая здесь дублируется, в человеческом мире сохраняется естественный порядок вещей: мать любит своего сына, когда же нарушается этот порядок в животном мире, инстинкт у взбунтовавшегося животного восстанавливается голосом ребенка, который замещает собой отвергаемого ягненка обращением к овце с песней-уговором.

Певец в традиционной культуре понимается как человек, энергия души и голос которого способны преодолеть границы между различными уровнями жизни для установления гармонического баланса. Представление о судьбе поэта-певца как сложной и противоречивой доле реализуется в стихотворении «Хаатаршан» (Каторжник): «*Элдин сагаан һужаагаар / Ээрэмшээжэ ябахадам, / Эрээн соохор шубууды / Эихээхэдэжэ ябахадам, / Үндэр наһатай Шойсорон / Үнсэн һуужа хэлээ һэн: / “Үдэжэ ябаһан үльгэриэн, / Үгыш һаа даа – хаатаршан”*» [8, с. 21] (Когда я бегал вприпрыжку / По привольным низинам, / Когда я ходил, подражая / Пестрым птицам, / Старый и мудрый Шойсорон / Сказал обо мне: / “Подрастает сказитель, / Если же не сказитель, то каторжник”). Таково народное понимание судьбы поэта, вбирающей в себя всю сложность и противоречивость мира.

В своих произведениях Улзытуев всегда называет себя певцом, осмысливая предназначение поэта в контексте национальной культуры как выразителя традиционного отношения к природе и окружающему миру, которое можно назвать культовым. Представление о духах и хозяевах местности в традиционной культуре бурят, их почитание есть выражение сакрализации, характерной для мифомышления, это не могло не определять поэтическую картину мира и выражалось, например, в шаманских призываниях, в которых всегда звучало обращение к высшим силам природы. Кроме того, сакрализация выразилась в магтаалах (панегирическом жанре), соло (прославление), где адресатом также являются объекты и субъекты, которые мыслятся ценностно более высокими. Не случайно в лирике Улзытуева высококачествен мотив воспевания родного края: «*магтан дуулааб*», «*магтаха*» значит «вознести хвалу», в связи с чем можно отметить обращение к природным объектам, будь то горы, реки, местности: «*Үглөөнэй улаан нара / үгын дээжээр угтажа, / Үндэр тэнгэритэ орон нютагаа / магтан түүрээл: ухай!*» (Встретим утреннее солнце / высокими словами, / Родину свою под высокими небесами / восславим: ухай!) [10, с. 3]. Подобно тому, как в шаманских призываниях всегда обозначаются как субъект диалога природные

объекты, в лирике Дондока Улзытуева имеется ряд обращений к малой родине — Шибертую, Байкалу, Кынгерге, Джиде и т. д., т. е. в лирическом произведении обозначены местности, причем сперва это малая родина, затем, по мере взросления лирического героя, это просторы всей Бурятии. Известно, что у Улзытуева есть стихотворения, посвященные многим районам республики.

Складывается структура произведения с обязательным перечислением признаков позитивного ряда, что напоминает эпическое перечисление. Открытие мира и расширение границ привычного пространства в лирике Улзытуева — гармоничный процесс, имеющий в своей основе архетипические истоки, в нем прослеживается определенная цикличность, свойственная мифомышлению. «Дом — *пребывающий* в покое мир, космос, отграниченный от хаоса. Он не открывается, так как является уже совершенно открытым для обитателя *целым, всем* миром и одновременно совершенно закрытым для всего неупорядоченного (=чуждого). Дом — это пространственная человекоразмерная форма покоя освоенного существования “в себе”, в своем мире; Путь — это пространственная человекоразмерная форма открытия чужого (=странного) — это странничество, то есть движение “в сторону”, “выход из себя”» [11, с. 12].

Проекция пути из дома в лирике Улзытуева никогда не дается сама по себе, она всегда связана с обратной проекцией пути домой. Ощущение слитности с родным краем, пуповинной связи с ним (тоонто) выразилось в мотиве возвращения, приобретающем философское звучание в контексте мифопоэтики. Многие сборники поэта начинаются с образов его малой родины, поэт вновь и вновь возвращается как к точке начала отсчета к месту своего рождения. Так, сборник «*Һолонго*» (Радуга) (1966) начинается со стихотворения «*Эхэ нютагай магтаал дуун*» (Хвалебная песнь родине-матери) [9, с. 4]. Новый круг жизни открывает пространства, которые поэт постигает, опираясь на мифологическую оппозицию «свой — чужой», преодолевая ее в своем сознании. В стихотворении «*Ая ганга*» из калининградского цикла «*На берегу Балтики*» лирический герой с удивлением узнает в далеком и чужом краю знакомое с детства растение ая ганга, которое воспринимается родным, и чужой край становится своим: «*Гэнэн хонгор байгаа гүб, / Гэнтэ нютагаа танибалби / Баалшин далайн хүбөөе / Байгал гэжэ һанабалби*» (Был ли я в просветлении, / Но вдруг узнал свою родину. / В кромках Балтийского моря / увидел я Байкал) [10, с. 59].

В данном цикле свыше двадцати стихотворений, и освоение героем чужого пространства происходит с опорой на жизненный опыт. Многие стихотворения цикла построены в форме интимного, глубоко личного разговора с матерью, в который включены обращения к ней, воспоминания и т. д.; все реалии чужого, еще незнакомого мира осваиваются в этой незримой беседе-диалоге с родным и близким человеком. Возникают очень неожиданные, на первый взгляд, сравнения: «*Салир сагаан пароходууд / Бэлшээрһээ бусаһан үнээд мэтээр / мөөрэлдэнэ*» [10, с. 92] (Белые пароходы, / как коровы, вернувшиеся с пастбища, мычат), происходит сопряжение разных рядов. Осво-

ение примет и реалий городского быта происходит по такой же логике, так, на могиле Канта в Калининграде сопряжение происходит через освоение большого временного пласта: поэт «вспоминает» своего прадеда Улзытэ, современника Канта, мысленно воспроизводит реалии его жизни и смерти и место погребения – гору Улзытэ, которая и сопоставляется с могилой Канта в Кафедральном соборе Калининграда. Далее разворачивается и оживает картина жизни самого Канта, так в поэтическом сознании Д. Улзытуева устанавливается общность человеческих судеб, картины быта выводят к осознанию бытия, установлению вечных законов человеческой жизни.

Как известно, «миросозерцательным фундаментом исторически ранней мифологии являлось мышление сопрягающее» [12, с. 16]. Сохранность мифосознания в традиционной культуре бурят в самых древних его формах определила и специфику художественного мышления. В завершении цикла есть стихотворение, в котором воспроизводятся автобиографические реалии, поэт вспоминает приезд матери в Москву и ее слова: «*Энэл даа, хүбүүн, шиниим заяан, / Эрдэм номойшни үндэр дабаан. / Этигэл ехэтэй ябаал хаа даа, / Эхигүй юртэмсэ хаанаи дулаан*» (Такова, сын, твоя судьба, / вершина твоего учения. / Если ты полон к жизни доверия, / В бескрайнем этом мире везде тебе будет тепло) [10, с. 104]. Идея единства и общности человеческих судеб в лирике Улзытуева уходит корнями в глубины народной жизни и опыта. Признавая существование противоположностей в мире, оппозиции разных начал, поэт тем не менее ищет общие, объединяющие начала. Так, в стихотворении «Дэлхэйн хоёр» (Два начала) поэт строит ряд противоположных понятий, явлений: правда и ложь, солнце и луна, день и ночь, земля и небо, огонь и вода, мужчина и женщина: «*Хоёр хоёроор холбоон / Хорбоогой агуу нюуса. / Хоорондохиень бэдэрээшэ / Хонгор гэнэн дууша*» (Всё связано попарно, / Великая тайна вселенной. / Ищет связь между ними / Простодушный поэт) [7, с. 49].

Идея всеобщей связи во Вселенной реализуется в лирике Улзытуева в мотивах растворения, будь то физический процесс плавления материально плотных вещей или же растворение человеческой души в природном мире. В стихотворении «Холбоон» (Связь) о научном постижении Вселенной раскрывается философская мысль о всеединстве, о том, что весь мир пронизан незримыми связями, имеющими один исток, одно происхождение. Логика мифа проявляется в генетической устремленности мысли: «*Олон бодосой / Орёо таамаг нэгэдэлхээ / Оршоломнай үнэхөөрөөшье бүридэнхэй*» (Из таинственной связи / Множества веществ / Составлена наша вселенная) [3, с. 50]. В лирике поэта высокочастотен мифологический мотив превращения и связан с лирическим осознанием философской темы смерти: «*Булаша болохо Саяанаа / Бусажа хүрэхэ золгүй хаа, / Манхан ехэ хормойдонь / Манан болоод тунуужам. / Һүүдэр бүглүү тайгадань / Шүүдэр болоод унуужам. / Баатар агуу сээжэдэнь / Аадар болоод оруужам*» (Если не вернусь к Саянам, / как к месту погребения, / У его подножья / Стану я туманом. / В его тенистых лесах / Выпаду росой. / На его могучей груди / Прольюсь грозой) [12, с. 26].

Тема смерти осознается в лирике Улзытуева в проекции будущего, через попытку постижения собственной судьбы и выводит к образам космоса, который в художественной философии автора мыслится как исток жизни и ее исход. «*Налхин болоод би хэзээ нэгэтэ ябахаб. / Гара дээрэ тооһон болоод, сагта дуурахаб. / Энхэ ягаан элиэшье болоод, энэ дэлхэйгээ эрьехэб, / Мүнхэ сэнхир агаар соогуур суурьян болоод нишдэхэб*» (Став ветром, я буду летать когда-то. / Стану пылью на луне, засну на время. / Став этим розовым лучом, вернусь на землю. / В вечном синем воздухе, став эхом, буду летать) [9, с. 61]. Мысль поэта при осознании смерти разворачивается в плане перспективы как возможность возвращения: «*Хогоосон бодос буйлуулжа, / Космос болоод ерэхэбди*» (Вакуум переработав, / Став космосом, мы вернемся) [5, с. 238]. Так реализуется на уровне космоса мотив возвращения как необходимый элемент циклического мифологического мышления.

Таким образом, мифопоэтические истоки философской лирики Д. Улзытуева выявляются в едином мотивном комплексе, который реализуется в мотивах творения (рождения), творчества как открытия мира, циклической смене архетипов дома и пути, мотиве вечного возвращения. Гармонический взгляд на мир, предстающий в лирике Д. Улзытуева, основан на идее единства, логике сопряжения явлений разного ряда и плана, которая прослеживается в мотивах растворения и превращения, взаимоперехода и всеобщей связи.

Литература

1. Очирова Т. Н. Мгновенное и вечное (о поэзии Д. Улзытуева) // Литература и современность. Улан-Удэ, 1978. С. 141–153.
2. Силантьев И. В. Лирический мотивный комплекс // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. Новосибирск, 2012. С. 106–114.
3. Силантьев И. В. Мотив в системе категорий нарратива // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 4. Интерпретация текста: сюжет и мотив. Новосибирск, 2001. С. 13–35.
4. Улзытуев Д. Ая ганга. Улаан-Үдэ, 1961. 104 с.
5. Улзытуев Д. Ая гангын орон. Улаан-Үдэ, 1974. 296 с.
6. Улзытуев Д. Ехэ дабаан. Улаан-Үдэ, 1972. 144 с.
7. Улзытуев Д. Сагай суурьян. Улаан-Үдэ, 1970. 108 с.
8. Улзытуев Д. Хайранга. Улаан-Үдэ, 1964. 166 с.
9. Улзытуев Д. Нолонго. Улаан-Үдэ, 1966. 68 с.
10. Улзытуев Д. Эрьесэ. Улаан-Үдэ, 1968. 120 с.
11. Фуксон Л. Ю. Пространственные архетипы // Сюжетология и сюжетология. 2014. № 1. С. 9–15.
12. Хализев В. Е. Мифология XIX–XX веков и литература // Вестник МГУ. Сер. Филология. 2002. № 3. С. 7–20.
13. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1973. 804 с.

MYTHOLOGICAL MOTIVES IN ULZYTUEV'S PHILOSOPHICAL LYRIC

Irina V. Bulgutova

PhD in Philology, A/Professor, Department of Russian and Foreign Literature,
Buryat State University

6 Ranzhurova St., Ulan-Ude 670000, Russia

The article deals with the key lyric themes of Dondok A. Ulzytuev's lyrics, the role of mythological motives in his poetry. In the structure of poems we define the mythological motive for creation which combines various phenomena: natural, cosmic and also autobiographic. We clarify the origin and logic of mythological thinking in genesis searching and observe the author's understanding of life processes in cyclical change of home and way archetypes, his overcoming of the mythological opposition "friend or foe". The article defines poetic basis of creativity motives, of return and transforming. We have concluded that Ulzytuev's philosophical lyric bases on the logic of conjugation, which is characteristic for mythology. This material shows the particularity of Buryats' spiritual experience determined by preserving of archaic mythological conscience.

Keywords: myth, mythological motives, lyric theme, mythological thinking, archetypes, mythological conscience, philosophical lyric.

References

1. Ochirova T. N. Mgnovennoe i vechnoe (o poezii D. Ulzytueva) [Instant and Eternal (D. Ulzytuev's poetry)]. *Literatura i sovremennost' — Literature and Modernity*. Ulan-Ude, 1978. Pp. 141–153.
2. Silant'ev I. V. Liricheskii motivnyi kompleks [Lyrical Motivic Complex]. *Syuzhetno-motivnye komplekсы russkoi literatury — Narrative and Motivic Complexes in Russian Literature*. Novosibirsk, 2012. Pp. 106–114.
3. Silant'ev I. V. Motiv v sisteme kategorii narrativa [Motif in the System of Narrative Category]. *Materialy k slovaryu syuzhetov i motivov russkoi literatury. Vyp. 4: Interpretatsiya teksta: Syuzhet i motiv — Materials to Dictionary of Themes and Motifs in Russian Literature. Vol. 4: Interpretation of the Text: Plot and Theme*. Novosibirsk, 2001. Pp. 13–35.
4. Ulzytuev D. *Aya ganga*. Ulan-Ude, 1970. 108 p. (Buryat)
5. Ulzytuev D. *Aya gangyn oron* [Aya Ganga Country]. Ulan-Ude, 1972. 144 p. (Buryat)
6. Ulzytuev D. *Ekhe dabaan* [A Big Ridge]. Ulan-Ude, 1974. 296 p. (Buryat)
7. Ulzytuev D. *Sagai suuryaan* [Echoes of Time]. Ulan-Ude, 1970. 108 p. (Buryat)
8. Ulzytuev D. *Khairanga* [Seagull]. Ulan-Ude, 1964. 166 p. (Buryat)
9. Ulzytuev D. *Holongo* [Rainbow]. Ulan-Ude, 1966. 68 p. (Buryat)
10. Ulzytuev D. *Er'ese* [Wheel of Time]. Ulan-Ude, 1968. 120 p. (Buryat)
11. Fukson L. Yu. Prostranstvennye arkhetyipy [Spatial Archetypes]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiya*. 2014. No. 1. Pp. 9–15.
12. Khalizev V. E. Mifologiya XIX–XX vekov i literatura [Mythology of the 19th–20th Centuries and Literature]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Filologiya — Bulletin of Moscow State University. Ser. Philology* 2002. No. 3. Pp. 7–20.
13. Cheremisov K. M. *Buryatsko-russkii slovar'* [Buryat-Russian Dictionary]. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1973. 804 p.